

СЛУЧИЛОСЬ так, что и первые настоящие радости, и первый свой заработок я получил в театре, когда был еще мальчишкой.

Жили мы в старом, невзрачном домишке на Измайловском проспекте, в Петрограде. Поблизости, в Измайловском саду, играла театральная труппа. Ставили преимущественно оперетты. С трудом проникнув в сад, я готов был услужить каждому из артистов этой труппы.

Меня приветили в этом театре. Один из ведущих актеров труппы, известный в те времена Михаил Антонович Ростовцев, похлопотал за меня, и мне позволили выйти на сцену в театральном костюме. Я изображал мальчишку в толпе народа в оперетте «Жрица огня». Это было несказанное счастье: дышать воздухом совсем другого времени, толкаться

шлясь, что нарушит пресловутую «педагогическую дистанцию» между учителем и учеником. В промежутке между нами и Дементьевым поселилось прочное неподкупное уважение. Он считал, в частности, что музыкальное воспитание, приобщение к театру, к живописи, словом, к миру прекрасного — дело исключительной педагогической важности. И организовал постоянные инструментальные концерты, знакомя нас с произведениями русских и зарубежных композиторов.

Михаил Григорьевич сыграл существенную роль и в художественном формировании моего близкого друга, товарища по дворовым играм и одноклассника Васи Соловьева, сына питерского дворника. Лыняные волосы добыли Васе мальчишеское прозвище Седой, которое он сохранил на всю жизнь, так начинался буду-

ние: друг ошибся. Но, по-видимому, перед композитором еще в то время, когда он сочинял музыку «Подмосковных вечеров», мысленно звучал мой голос. Думаю, что так оно и было: нас связывает многолетнее и полнейшее музыкальное единение.

Мне необычайно повезло: я всегда был среди людей и с людьми, даже в самых неожиданных и драматических обстоятельствах не уступал своего основного принципа — равняться на достойного. Этот принцип был воспитан моими учителями, и прежде всего выдающимся драматическим артистом и педагогом Юрием Михайловичем Юрьевым.

22 июня 1941 года мы вместе с Юрием Михайловичем должны были ехать в Петергоф, играть там в концерте сцену из «Леса» А. Н. Островского: Юрьев — Несчастливцев, я — Счастливец. Узнав о напа-

уезжали в воинскую часть под Ораниенбаум, а она, пряча слезы, тревожась, подшучивала ласково: «Ты, голубчик, не забывай: небритый на фронт не берут! И в театре не оставляют...». Она была депутатом Верховного Совета СССР, с первого дня войны считала себя мобилизованной, входя в любое дело, стараясь быть полезной каждому, кому это было хоть в малой степени нужно.

Мы были поражены, увидев однажды Н. К. Черкасова в военной форме. Оказалось, что Николай Константинович вступил в народное ополчение, стал начальником агитвзвода...

Шли годы. Один за другим ушли от нас Ю. М. Юрьев, Е. П. Корчагина-Александровская, Н. К. Черкасов. Всякий раз, узнав про утрату, к зданию Театра имени Пушкина собирался, казалось, весь Ленинград. По Невскому не могли проехать автобусы и трол-

А. Ф. БОРИСОВ в главной роли в фильме «Академик Иван Павлов».

Александр БОРИСОВ,
народный артист СССР

Мастера
искусств
о себе

МУЗЫКА

В. П. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ и А. Ф. БОРИСОВ, 1924 г.

среди людей, которые одеты не так, как все мы, танцуют и поют, даже говорят музыкальнее, изящнее... Серебряный рубль венчал этот мой детский дебют.

М. А. Ростовцев приоткрыл мне дорогу в театральные праздники. А мальчик-акробат, за репетициями которого я наблюдал, помог понять, что сцена — не только праздник, но и постоянная учеба и тренировка. Я увидел его слезы, и это меня потрясло... Но на мысль об ощущении в себе актерских и музыкальных способностей натолкнула меня одна из моих первых школьных учительниц — Мария Васильевна Семенова.

Помните эпизод из фильма «Сельская учительница»: молоденькая Варенька — Варвара Васильевна ведет крестьянского мальчишку Прова на приемный экзамен в гимназию и волнуется за двоих. Точно так было и у нас с Марией Васильевной на моем экзамене в музыкальной школе. И закончились испытания точно так же.

— На каком инструменте ты собираешься играть? — спросил меня некий рыжий и высокомерный обладатель пугающего баса.

— На скрипке, — ответил я.

— А может быть, на контрабасе? — раздалось в ответ...

В кино бы показали петроградскую осеннюю уличку в мареве мелкой мороси и две горестные фигурки: это были мы с Марией Васильевной. Я, казалось, уходил от своей мечты... Октябрь резко и сразу изменил мою жизнь. Ученики стали поистине «людьми общества», участвовали в выборах школьного «самоуправления», распределяли «нагрузки» в большом детском коллективе.

Наш директор (тогда директоров школ называли заведующими) Михаил Григорьевич Дементьев был первой крупной личностью, которую я смог наблюдать, оценить и полюбить. Высокоумный, образованнейший человек, он был нашим товарищем, несколько не сму-

щный народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, композитор Василий Павлович Соловьев-Седой. Мы с ним оба любили песню, я уже тогда видел в нем талантливого композитора, а он во мне — не драматического актера, а певца.

Кто тогда знал, что пение навсегда останется спутником моей профессии драматического артиста, что мне судьба подарит людям популярные песни из кинофильмов, привлечь внимание исполнением доброго старого русского романа, а главное, петь по радио и с эстрады любимые народом песенные творения моего друга Васи Седого!

К. С. Станиславский обращал внимание актеров на то, что роль надо учить не по словам, а по видениям. Песню тоже надо петь не по нотам, а по внутренним картинам и настроениям, которые возникают в сердце исполнителя. Говорят, играя композитора Мусоргского в одноименном фильме, я удачно исполнил «Песню Еремущки», не прибегая к услугам дублера-певца. Я тогда многое пел в этом фильме. И если мне действительно что-либо удалось, то потому, что мыслить я в каждом эпизоде конкретными образами, конкретными ассоциациями, взятыми из моего жизненного опыта. Я ведь и сам был некрасовским Еремущкой в дореволюционном детстве... Мусоргский, — по замыслу режиссера-постановщика фильма Г. Л. Рошала, — человек, постоянно «думающий музыкой». Меня такое творческое задание необычайно радовало: я с давних пор «думаю музыкой», хоть не своей — сочиненной другими людьми.

В одном из недавних выступлений на страницах журнала «Москва» Василий Павлович Соловьев-Седой утверждает, что Александр Борисов был первым исполнителем его широко популярной песни «Подмосковные вечера». Справедливость требует внести уточне-

дения Гитлера и отдавая себе отчет в том, что это не «еще одна война», а величайшая трагедия, охватившая мир, я усомнился в том, стоит ли нам вообще ехать на концерт. Юрий Михайлович строго ответил мне по телефону:

— Никто вас не освобождал, надо соблюдать дисциплину! Едем!

...Через залив слышно, как в Кронштадте бьют зенитки. У зрителей встревоженные, хмурые лица. Я взмолился:

— Юрий Михайлович, вы только поймите, сцена у нас смешная, а кому сейчас охота смеяться?

— Вы что, с ума сошли? Соберитесь сейчас же! — прикрикнул Юрьев.

А зрители приняли нас чутко, проводили аплодисментами. Люди смеялись, на время сняв камень с души. Я тогда впервые понял, что искусство может быть воистину целебным средством даже от предчувствия неотвратимого горя.

Позже, на фронте, выступая перед бойцами с моим товарищем по Ленинградскому академическому театру драмы имени А. С. Пушкина, ныне народным артистом РСФСР К. И. Адашевским, знаменитым слепым баянистом Иваном Ивановичем Маланиным, я испытывал ни с чем не сравнимую гордость за свою причастность к Искусству — делителю душевных ран, воспитателю боевого духа и жизнелюбия воинов, идущих с концерта в сражение.

Мне повезло, тысячу раз повезло быть партнером и товарищем таких людей, как горько любимая всеми ленинградцами «тетя Катя» — народная артистка СССР Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, как «депутат Балтики» — замечательный художник сцены и экрана Николай Константинович Черкасов.

Помню «тетю Катю», укреплявшую нас материнским словом в самые суровые дни. Мы

лейбусы. Я тяжело пережил три эти смерти. И все-таки, глядя на необозримую вереницу прощающихся, сквозь стену горя испытывал чувство глубокой гордости за свою профессию, за высокое ее назначение.

Хороня «тетю Катю», я спрашивал себя: каким был этот человек? И вспоминаю одну из своих ролей Бориса Волгина — персонаж пьесы А. Афиногенова «Чудак». Мне кажется, именно с «Чудака»-то и пошла те, кого сейчас в литературе о театре называют «героями для всех». Волгин ничем не напоминал заведомо очерченного положительного героя: сама жизнь определила его единственно правильные, честные и гражданственные решения, вот почему он совершал героические поступки. Такая трактовка образа когда-то пришла ко мне от самой атмосферы нашего театра. А творцом этой удивительной самоотверженной атмосферы была главным образом Екатерина Павловна Корчагина-Александровская. Она, собственно, и являла собой в жизни женский вариант «чудака», мужественного и решительного в трудные для людей минуты.

Александр Блок, выступая с речью, посвященной открытию Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького, призывал слушать музыку революции. Эта музыка полифонична: время привносит в нее новые темы. Их надо уметь слышать так, как умели это любимые навсегда люди — учительница М. В. Семенова, заведующий школой М. Г. Дементьев, большие актеры и общественные деятели Е. П. Корчагина-Александровская и Н. К. Черкасов, как смог услышать их популярный актер дореволюционного театра, а затем ведущий мастер советской сцены Ю. М. Юрьев, как слышит и передает эту музыку мой добрый старый друг композитор Василий Соловьев, Вася Седой из нашего двора...